

RU

Способы репрезентации семантики количественности в кабардино-черкесском языке (на материале анализа языка Х. Х. Каширгова)

Хежева М. Р.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности репрезентации количественной семантики в языке художественных произведений кабардинского писателя Х. Х. Каширгова. Научная новизна заключается в том, что впервые идиостиль одного из ведущих прозаиков адыгской литературы Хапачи Каширгова рассматривается с точки зрения реализации в нем особенностей трансляции квантитативности. Проанализированы лексемы, свободные и несвободные сочетания слов, при помощи которых исследуемый автор эксплицирует семантику мизерности, незначительности, выделены модели с оценочной семантикой, характеризующие финансовое состояние личности. Отдельное внимание уделено средствам выражения нежелательной (отрицательно оцениваемой) повторяемости. Кроме того, в языке проанализированных произведений достаточно четко выделяются модели, дающие количественную характеристику явлениям, которые воспринимаются различными органами чувств. Установлено, что семантика мизерного количества транслируется целым рядом заимствованных и исконных лексем. Полученные результаты показали, что при помощи комплекса аффиксов реализуется семантика незначительности проявления действия. Качественное прилагательное «фЫ» «хороший» в адыгской языковой картине мира реализует количественную семантику и может сочетаться при этом с маркерами малого количества. Сочетание антонимичных квантитативных показателей (много/мало) в одном выражении приводит к возникновению производного оттенка количественности, оцениваемого говорящим как достаточная, средняя норма чего-л.

EN

Means of representing quantitative semantics in the Kabardian language (based on the analysis of the language of Kh. Kh. Kashirgov)

M. R. Khezheva

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of representing quantitative semantics in the language of literary works by the Kabardian writer Kh. Kh. Kashirgov. The scientific novelty lies in the fact that, for the first time, the idiosyncrasy of Khapacha Kashirgov, one of the leading prose writers in Adyghe literature, is examined from the perspective of how the features of conveying quantitativity are realized within it. Lexemes, as well as free and bound word combinations through which the author explicates the semantics of scantiness and insignificance, are analyzed; models with evaluative semantics characterizing an individual's financial status are identified. Special attention is paid to the means of expressing undesirable (negatively evaluated) repeatability. In addition, models providing quantitative characteristics of phenomena perceived by various sense organs are clearly distinguished in the language of the analyzed works. It was established that the semantics of a meager quantity is conveyed by a range of borrowed and native lexemes. The obtained results showed that the semantics of the insignificance of an action's manifestation is realized through a complex of affixes. The qualitative adjective “фЫ” (“good”) in the Adyghe linguistic picture of the world realizes quantitative semantics and can be combined with markers of a small quantity. The combination of antonymic quantitative indicators (much/little) in a single expression leads to the emergence of a derivative nuance of quantitativity evaluated by the speaker as a sufficient, average norm of something.

Введение

Актуальность исследования продиктована тем, что в современной лингвистической науке, ориентированной на антропоцентрический подход, существует необходимость изучения как языковой личности,

так и художественного дискурса с точки зрения реализации в нем базовых категорий бытия. В частности, особую значимость приобретает анализ того, как в идиостиле конкретных авторов отражается ментальная специфика количественных значений. Количественность как семантическая категория в языке может выражаться прямо, косвенно, опосредованно (Субич, 2012, с. 184).

Х. Х. Каширгов (1914–1987) принадлежит к плеяде кабардинских писателей, заложивших основы адыгской художественной прозы во всем многообразии ее форм (Шакова, 2026, с. 115). В стиле писателя, соответственно его художественным замыслам, объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы все использованные художником общенародные языковые средства. Вместе с тем в стилистике индивидуально-художественной речи иногда очевиднее выступают элементы будущей системы национального литературного языка и ярче отражаются функции пережитков языкового прошлого (Виноградов, 1954, с. 4).

Количественный аспект картины мира эксплицируется в языке единицами разных уровней – от фонетического до синтаксического. Каждый языковой уровень порождает определенную категориальную систему и каждая из них по-своему соотносится с категорией количества (Кузина, 2014, с. 111).

В адыгском языковом сознании семантика количественности выражается целым набором лексических и грамматических средств. Несмотря на то, что исследуемая категория количества не является глобальной текстовой категорией, созданный автором мир, понимаемый как рефлекторное пространство, которое делится на сферы – вещные, персонажные, помещенные в определенный хронотоп, и событийные, – предстает в качественно-количественной интерпретации (Большакова, 2005, с. 521).

Материалом исследования послужили выражения, реализующие количественную семантику, извлеченные из произведений Х. Х. Каширгова (1976; 1984; 1988; 2014). В качестве справочного материала привлечены: Кабардинско-русский фразеологический словарь (Карданов, 1968); Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков (Шагиров, 1977); Словарь кабардино-черкесского языка (1999); библиографический словарь «Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв.» (2026).

Объектом исследования являются выражения, обладающие количественной семантикой. Предмет исследования – способы и средства репрезентации семантики количественности.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) выявить механизмы реализации семантики мизерности и незначительности; 2) установить способы трансляции семантики повсеместного распространения звука и запаха; 3) определить языковые средства, эксплицирующие финансовое состояние личности; 4) рассмотреть особенности реализации семантики отрицательно оцениваемой повторяемости; 5) изучить специфику реализации парадоксальной количественной семантики.

Методы исследования обусловлены целью и задачами и включают: метод сплошной выборки текстовых фрагментов, реализующих количественную семантику, необходимых для формирования эмпирической базы; в работе применялся метод контекстуального анализа, позволивший проследить закономерности употребления выражений с количественной семантикой в рамках конкретного контекста; описательно-аналитический метод использовался при систематизации и классификации языкового материала с количественной семантикой.

Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные изучению способов трансляции количественной и качественной семантики в языке (Большакова, 2005; Галич, 2006; Субич, 2012; Кузина, 2014; Бородулина, Макеева, Гливенкова, 2025); способам репрезентации чувственного восприятия количества в языке (Федяева, 2016); философским проблемам языкознания (Панфилов, 1977); антропоцентрической парадигме в лингвистике (Малашенко, 2003); роли изучения языка художественной литературы (Виноградов, 1954); проблеме исследования структурных и грамматических особенностей кабардино-черкесского языка (Дзуганова, 2005; Кабардино-черкесский язык, 2006).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в лекционных и практических курсах по лингвокультурологии, филологическому анализу текста, а также при изучении творчества адыгского прозаика Х. Х. Каширгова.

Обсуждение и результаты

Антропоцентризм, ставший характерной чертой современных лингвистических исследований, обусловил повышенный интерес языковедов к проблеме изучения роли языка в процессах познания. Естественный язык можно понять и объяснить, только рассматривая его как неотъемлемую часть когнитивной системы, то есть всех тех структур и механизмов, которые в совокупности обеспечивают познавательную и мыслительную деятельность человека (Малашенко, 2003, с. 94). Количественная определенность предметов, процессов, явлений и их признаков выделяется и отражается человеком в ходе его предметно-познавательной и коммуникативной деятельности в различных формах. Обобщением всего многообразия количественных свойств бытия является мыслительная категория количества, изучаемая как одна из фундаментальных категорий в философии, психологии познания, лингвистике (Галич, 2006, с. 154). Репрезентация количественных значений в языке обеспечивается не только за счет использования имен числительных. Семантика количественности может транслироваться практически всеми частями речи: от именных и глагольных форм до наречий и служебных слов. Кроме того, количественные смыслы часто репрезентируются посредством свободных сочетаний слов и фразеологических оборотов. В ряду количественных номинаций выделяют также эпитеты количества, которые подходят для описания величин, размещающих их по шкале от (очень) малого до (очень) большого (Бородулина, Макеева, Гливенкова, 2025, с. 4755).

Семантику мизерности и незначительности носитель адыгского языкового сознания может транслировать целым рядом языковых единиц. Для выражения семантики мизерности в адыгском языковом сознании могут употребляться как исконные, так и заимствованные лексические единицы. Как показывает анализ, лексемы с общей семантикой мизерности в контексте употребляются с числительным *зы* «один», функциональная роль которого заключается в усилении названной семантики. Так, мезуративная лексема *мэскэл*, заимствованная из арабского языка, употреблялась в значении золотник (Шагиров, 1977, с. 267), в современном кабардино-черкесском языке указанная лексема транслирует семантику мизерной (незначительной) величины или количества: – *Зэхэсхац уи цIэ*, – *ЩакIуэм тIэкIу зыкыггэцхъац*, *ауэ и кэуалыжыыр зы мэскэалкIу ЗекIуэикъуэм нэжыжкэ ицIакъым* (Каширгов, 1976, с. 122). / «– Слышал я твое имя – слегка нагнулся Охотник, **не отводя свое кремневое ружье ни на йоту** от Зекоюко» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – М. Х.).

Исконная лексема *бжыз* «пядь», обозначающая меру длины, которая равна расстоянию между растянутыми большим пальцем и мизинцем, в адыгской языковой картине мира весьма часто употребляется для объективации мизерности: *Ар (анэр) цIэдзыхэн цыIэт: дыгуэпшыхь Хьэждед къацIыхуэкIуам пхур Iуэным и шынагъуэр бжэцхъэIум кытетт зы бжызкIу IумыкIуэта цIыкIэу* (Каширгов, 2014, с. 360). / «Ей (матери) было за что переживать: опасность(нежелательной) встречи ее дочери с Хаждалем не миновала **ни на йоту** (букв.: не отступила даже на пядь) со вчерашнего вечера».

Аналогичным значением обладает и лексема *медан* «мгновенье» (Словарь кабардино-черкесского языка, 1999, с. 516): *Iуэхум зы цэху гуэр зэрыхэлъым зы меданкIэ хиггэлъа лыжыым зыкыщIэжри адэкIэ зиIэжъакъым...* (Каширгов, 2014, с. 349). / «Неясность в деле **на мгновенье** заставила задуматься старика, но он быстро опомнился и уже не медлил...».

Для носителя адыгского менталитета понятие незначительного промежутка времени часто ассоциируется с понятием моргания. Так, для реализации семантики **незначительного отрезка времени** адыгская языковая личность использует единицы, содержащее существительное *нанIэ* «веко». К примеру: *нанIэ Iэтыгъуэ* «миг, мгновение» (Словарь кабардино-черкесского языка, 1999, с. 526). *НанIэр дэпхьейуэ кепхъэхьыху* «в один миг (букв.: пока веки поднимешь и опустишь)» (Карданов, 1968, с. 179). В языке исследуемого автора встречаются адвербиализованные выражения с аналогичной семантикой. К примеру: *нанIэдэхьейуэкIэ* «на мгновение» (букв.: на отрезок времени, равный поднятию века). *Цурэ нанIэдэхьейуэкIэ кызэтеувылац...* (Каширгов, 2014, с. 399). / «Цура **на мгновение** приостановился (букв.: Цура приостановился на отрезок времени, равный поднятию века...)». Встречаются и случаи использования русскоязычных заимствований для реализации семантики незначительности. К примеру: ... *нэхэр зэтенIарэ зэгупсы цымыIэу секунд зыбжанэ цыта нэужыым, абы (Линэ) зиплгыху, зэцIэдэлукIуу цIидзац* (Каширгов, 2014, с. 642). / «... простояв **несколько секунд** с закрытыми глазами ни о чем не думая, она (Лина) начала смотреть по сторонам и прислушиваться».

В кабардино-черкесском языке преверб *ны-* в сочетании с суффиксом *-кI* образует глаголы с разной семантикой. В большинстве случаев подобное сочетание вносит в значение глагола направительную семантику и обозначает «на конце, крае чего-л.» либо неполноту охвата действия. В некоторых случаях указанные аффиксы теряют свое локативное значение (Дзуганова, 2005, с. 50–51). Так, глагол *кыпыгуфIыкIын*, встречающийся в идиостиле исследуемого автора, можно перевести как «слегка, незначительно улыбнуться»: – *СоцIэ, соцIэ уэ узэрыпхъашэр*, – *жиIэри гуацэр кытыгуфIыкIац*, – *ауэ лыггэ нэс зиIэр цыхубзым епхъэшкIуу хабзэкъым* (Каширгов, 1976, с. 137). / «– Знаю, знаю, что ты суров, – сказала княгиня **и слегка улыбнулась**, – но обладатель истинного мужества не проявляет суровость к женщине».

Различие в количественной характеристике тех или иных конкретных множеств фиксируется в чувственно-наглядных образах этих множеств (Панфилов, 1977, с. 164). Носитель адыгского менталитета использует целый ряд этноспецифичных языковых структур для квантификации воспринимаемых звуковых сигналов. Количественной оценке подвергается как интенсивность звука, так и ареал его распространения, и продолжительность шума. В адыгской языковой картине мира и в языке исследуемого автора семантика повсеместного распространения звуковых волн на определенной территории может транслироваться сочетанием существительного *Iуэлъауэ* «шум» и глаголов с общей семантикой господствования и заполнения. В кабардино-черкесском языке сему заполнения несет в себе несвободная глагольная основа *-зы-*. Несвободные основы в дистрибутивном плане всегда связаны с другими основообразующими или корневыми морфемами (Кабардино-черкесский язык, 2006, с. 81). Так, вышеупомянутая глагольная основа *-зы-* всегда связана с локальными превербами: *дэзын* «быть наполненным кем-чем-л.» (Словарь кабардино-черкесского языка, 1999, с. 114), *кэуэзын* «находиться где-л. за чем-л. во множестве» (Словарь кабардино-черкесского языка, 1999, с. 472), *хэзын* «находиться в большом количестве где-л., в чем-л. (в какой-л. массе, среде)» (Словарь кабардино-черкесского языка, 1999, с. 682). Выражения, реализующие семантику повсеместного распространения звука, весьма часто содержат вышеупомянутые формы глагола и лексему *Iуэлъауэ* «шум». *Мы пцIантIэм Iуэлъауэ дэзцI нэхуцым кыцыцIэдзауэ жэцыр жэIуэтэху* (Каширгов, 1976, с. 84). / «В этом дворе **повсеместный шум (полно шума)** с самого рассвета до поздней ночи».

При функциональном участии глагола *тепцэн* «господствовать, властвовать над кем-чем-л.» (Словарь кабардино-черкесского языка, 1999, с. 625), оформленного локативным превербом *цы-*, может транслироваться семантика повсеместного распространения звука. К примеру: *Iэхуэхэм я гуо макъымрэ уэтэрхэр цыIымахуэм хуэзыггэхъэзыр лыщIэхэм я джыдэ Iуэлъауэмрэ мыбы цытепцэцI* (Каширгов, 1976, с. 5). / «Здесь **господствуют возгласы** пастухов и **шум** от топоров рабочих, готовящих стан животноводов к зиме».

Количественной оценке подвергается и обонятельная перцепция. Обонятельный модус играет значимую роль в познании окружающего мира, а обонятельная система способна различать тысячи разнообразных запахов (Федяева, 2016, с. 174). Для реализации семантики повсеместного распространения запаха в языке исследуемого автора используются структуры, образованные по типу слово-маркер *мэ* «запах» + лексема со значением пространства или места + глагольное словосочетание *хэз* (*иц*Иэз, *дэз*) *хэун* «распространиться». К примеру: *Бжэр кызылуахыным иужь иту лы ягъажьэм и мэр гурыху хьэуам хэз мэху* (Каширгов, 2014, с. 509). / «После того, как открыли дверь, приятный **запах** обжариваемого мяса **распространился в воздухе**».

Оттенком количественности обладают лексемы, свободные и несвободные сочетания слов, транслирующие финансовое состояние – скудность, достаточность или обилие средств к существованию. Эпоха, отражающаяся в некоторых произведениях, обусловила наличие в их языке ряда советизмов, заимствованных из русского языка, транслирующих различные уровни финансового состояния; *Ди хьэблэм цыц унагъуиц лишенецым хагъэхъаиц, къуажэм зэлуцИэхуэ яцИри. Иджы абыхэм цИтI ягъ хъуаиц: кулак, лишенец. ... Абыхэм нэмыцIкIи цыИэц цIэуэ батрак, бедняк, середняк, зажиточнэ* (Каширгов, 1988, с. 92). / «Решением собрания жителей села три семьи с нашего квартала признаны **лишенцами**. теперь у них два названия: **кулак и лишенец**. ... Кроме них есть еще такие названия – **батраки, бедняки, середняки и зажиточные**».

Базовым репрезентантом семантики богатства в кабардино-черкесском языке служит адъективная лексема-тюркизм *кэулей* «богатый»: *Исмел зэрыжиэмкIэ, цыкъур кэулейт, ауэ быдэт* (Каширгов, 1988, с. 70). / «По словам Исмеля, его родственники со стороны супруги **богаты**, но очень жадны...».

Представления о финансовом благополучии в адыгском языковом сознании могут воплощаться при помощи глагола *къещэцэхын* «сыпаться с кого (чего)-л.». При сочетании утвердительной формы этого глагола с лексемой *ахъиш* «деньги» транслируется семантика изобилия и благосостояния: *Ахъишэр къещэцэхуу цыкуэдкIэ Иэджэ уни, унэлъацIи илэниц абы (Исаак), – а кэомым шыгъуху хуиуэху цыИэкъым* (Каширгов, 1976, с. 277). / «Раз с него **сыплются деньги**, у него видимо много и домов, и домашней утвари – до этого всего нет дела извозчику». Аналогичную семантику может иметь и просторечный глагол *кэтиэмтIэхын* «быть, иметься в изобилии, в избытке у кого-л.» (Словарь кабардино-черкесского языка, 1999, с. 392): *Сыт пхуэмыгъуэтыр? КэтиэмтIэхыркэз мылкъур* (Каширгов, 1976, с. 219). / «Чего тебе не хватает? Разве не в достатке живешь».

Семантика среднего достатка в адыгском языковом сознании транслируется выражением *Ибэмэ, кэцтэн гъуэтын* ≈ иметь необходимое для жизни (букв.: иметь, что взять): – *Иджы, си хъыджэбз, – жиIац Жанзилэ пыхъэхъхэ гуэрэм и пхур зригъэтIысылIэри, – сэри сыпсэун хуейц, уэри арац... дьИбэмэ кэтиэмтIэн дгъуэту цытын цхъэкIэ сэри сымылажэу хъунукъым* (Каширгов, 1984, с. 207). / «Теперь, дочка, – сказала Жанзиля в один вечер, усадив свою дочь возле себя, – я должна жить, ты тоже, **чтобы мы имели необходимое для жизни**, я тоже должна работать».

Маркером нестабильного финансового положения можно считать выражение *ныкзуэлъэс-ныкзуэшууэ псэун* ≈ жить, не имея стабильного дохода, быть не богатым (букв.: жить полупешим-полувсадником, быть то пешим, то всадником): *Жамырзэ кызыхэкIамкIэ и напцIэ трилъхээн илэтэкъым. Абы и адэри, и адэм и адэри ныкзуэлъэс-ныкзуэшууэт зэрыпсэуар* (Каширгов, 1988, с. 8). / «Жамурза не мог гордиться своим происхождением. И его отец, и отец его отца еле перебивались (букв.: были то пешими, то всадниками)».

Отсутствие достатка транслируется присоединением к основе имен с семантикой богатства и изобилия суффикса отрицания *-къым*. Такие словоформы частотны в речи носителя адыгского языкового сознания, имеют оценочную семантику и употребляются для характеристики личности, как правило, в предложении выполняют функцию именного сказуемого. Проанализированный языковой материал говорит о том, что недостаток или отсутствие средств к существованию весьма часто коррелирует с отсутствием родственников. К примеру: *Езыр сыт, езыр: лэпкъкъым, къуицхъэкъым, мылкъукъым, былымкъым. И цхъэ закъуэ и лъакъуитIу мэкIарахъуэри тетц дунейм* (Каширгов, 1976, с. 298). / «А он кто? У него **ни родственников, ни корней, ни богатства. Один-одинешенек крутится на земле**». В кабардино-черкесском языке лексема *джафэ* «гладкий» употребляется с языковыми единицами со значением малого количества, финансового неблагополучия, выступая при этом маркером абсолютного отсутствия (Бижоев, Хежева, 2023): *Хиллэ япэ махуэхэм кыиццIэдзауэ гурыхъ цыхъуат Батыр и теплэкIи и нэмыскIи, ар ныбжъым хуэдэу джафэу кэулейсыз пэтми* (Каширгов, 1976, с. 282). / «Хилле с первых дней понравился Батыр и поведением, и сдержанностью, несмотря на то, что он **был абсолютно нищим** (букв.: был гладким, словно тень)».

Отсутствие какого-либо качества или признака в кабардино-черкесском языке выражается путем присоединения слова *мэ* «запах» к основе имен прилагательных и глагола *цыун* «пахнуть» с префиксальным или суффиксальным отрицанием. Так, выражение *кэулеймэ цымыун* = *кэулеймэ цыуркъым* «абсолютно не богатый» (букв.: даже не пахнет богатством) эксплицирует семантику абсолютного отсутствия богатства: *Кэулей? Уэлэхы, пэжым ухуеймэ, кэулеймэ цымыу...* (Каширгов, 1976, с. 221). / «Богатый? Клянусь, по правде **даже не пахнет богатством...**».

Семантику полного отсутствия средств к существованию реализует выражение *итIыр цIиупскIэу уэрамым кыдэнэн* ≈ обеднеть, остаться с пустыми руками (букв.: остаться на улице, размахивая руками). *Кумыц и итIыр цIиупскIэу уэрамым кызырэдэнам ецхуэ, езыри мылкъуишэу кээнэниц* (Каширгов, 1976, с. 254). / «Он тоже может остаться без средств к существованию, как Кумыш **остался на улице с пустыми руками**».

Малообеспеченность в адыгской языковой картине мира часто ассоциируется с отсутствием различных деталей одежды, которое может транслироваться путем присоединения аффиксов отрицания к основе имен существительных: – *Шожь сэ комсомолым яхэзыбгъэцIыхъынуур: сыгуапэкъым, сытцампIэкъым* (Каширгов, 1984, с. 8). /

«Чем я могу помочь комсомолу, у **меня ни кола, ни двора** (букв.: у меня ни рукавов, ни воротника)». В адыгской языковой картине мира присутствует широкий круг выражений, характеризующих финансовое состояние личности.

В языке автора обнаружены выражения, транслирующие семантику отрицательно оцениваемой нежелательной повторяемости. В современном кабардино-черкесском языке лексема *ццэццэццэ* означает новизну восприятия чего-л. (Словарь кабардино-черкесского языка, 1999, с. 811). Присоединение аффиксов отрицания *мы-* и *-кымы* к основе данной лексемы кардинально меняет значение слова, внося в его семантику оттенок нежелательной повторяемости событий и фактов: *Зи ккэблаггэ мыццэццэццэ дэлхур пасэу ккыццэццэццэ Жангуаццэ и лэггунэ хэхам* (Каширгов, 1976, с. 217). / «Брат, **чьи посещения уже не новы**, рано утром зашел в личные покои Жангуаши».

Посредством выражения *а ццэдейр ккэ зымыццэццэ ццэдейццэ* «это завтра – бесконечное завтра» автор транслирует идею неоднократного невыполнения обещания: *Ауэ а ццэдейр ккэ зымыццэццэ ццэдейццэ, блокI тхэхмахуэ, етлунанэр...* (Каширгов, 1988, с. 119). / «Но **это завтра – бесконечное завтра**, и опять проходит одна неделя, вторая...».

Оттенок отрицательно оцениваемой множественности присутствует в выражении *ккэккхуццэццэ*, образованном путем сложения глагола *ккэккхуццэ* «ходить, гулять» и *лэаццэ* «ноги» «гуляка» (букв.: гуляющие ноги): *Ккэуэццэццэ шыпхуццэццэ ккыццэццэццэццэ Тлэхыб Сулиманович ццэггэблэггэццэццэ, адэ-анэм езыхэр псэуэ я ккэуэ «ккэккхуццэццэццэ» ккыццэццэццэццэ Алыхымы и фццэццэццэ яггэуэри, хуэццэццэ ккэццэццэ, ...* (Каширгов, 1984, с. 212). / «Братья и сестры с радостью поприветствовали Тахиба Сулимановича, а родители, обрадовавшись тому, что их долго отсутствовавший сын (букв.: сын-гуляка) вернулся пока они живы, сочли это даром от Всевышнего и поблагодарили его».

Качественно-оценочные прилагательные образуют обширный пласт адъективной лексики, они весьма разнообразны в лексико-семантическом плане (Павлов, 1996, с. 22). В современном кабардино-черкесском языке качественное прилагательное *фццэ* «хороший» в зависимости от контекста может приобретать оттенок квантитативности или выполнять усилительную функцию. Указанная лексема, как и все односложные прилагательные с исходом на *э* и *ы*, произносится и пишется слитно с определяемым существительным (Кабардино-черкесский язык, 2006, с. 131). Гиперболизирующая роль прилагательного *фццэ* «хороший» верифицируется в атрибутивных словосочетаниях, где в качестве определяемого слова идет счетное слово. К примеру: *ахццэццэ «деньги» → ахццэццэфццэ «хорошие деньги*». Лингвокультурный портрет носителя адыгского менталитета характеризуется высокой частотностью употребления выражений, выполняющих функцию сознательного этикетного принижения значимости и количества описываемых предметов и явлений. Этим объясняется сочетание в одном контексте выражений с полярно противоположным количественным значением. Так, ряд лексем, транслирующих семантику большого количества, весьма часто сочетается с базовым выразителем семантики малого количества – лексемой *тлэккы* «мало», – о чем свидетельствует и язык исследуемого автора. Такие выражения, как правило, характеризуют количество или качество, оцениваемое говорящим как достаточное, но при этом не очень большое и не очень малое по объему. К примеру: *ахццэццэфццэ тлэккы = ахццэццэ ххарзынэ тлэккы* «неплохие деньги, немалые деньги»: *Сыт ццэццэццэ, абы ахццэццэфццэ тлэккы ишынаццэ, езымы ккэццэццэццэ-нэллэуэри, тыкуэным зыккыццэццэццэццэ* (Каширгов, 1984, с. 85). / «Что оставалось ему делать, он выплатил **неплохую сумму денег** и уговорами остался работать в магазине». *Дыбггэуэццэццэ, ахццэццэ ххарзынэ тлэккы тфццэццэццэццэццэ* (Каширгов, 1988, с. 121). / «Ты нас погубил, из-за тебя мы лишились **немалых (неплохих) денег**».

Интересным представляется функциональная роль прилагательного *фццэ* «хороший» в репрезентации носителями адыгского менталитета различных уровней владения каким-либо языком. В адыгском языковом сознании выражение *урысыбзэфццэ еццэ* означает хороший уровень владения русским языком кого-л., а выражение *урысыбзэ тлэккы еццэ* имеет противоположное значение и реализует семантику незначительного уровня владения русским языком. Выражение *урысыбзэфццэ тлэккы еццэ*, в структуре которого есть квантитативная противоположность, обозначает неплохой (не высокий и не маленький) уровень владения языком. К примеру: *Ар (Батыр) урыс станицэм цыццэццэ ггэхэм урысыбзэфццэ тлэккы ккэаггэццэццэ тхэккэ, еджэккэмы цыггэуэуэ цытт* (Каширгов, 1976, с. 273). / «В те годы, когда Батыр был в русской станице, **он неплохо** овладел русским языком и имел навыки чтения и письма».

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в языке произведений Х. Х. Каширгова лексемы с семантикой мизерности квантифицируют отрезок времени, расстояние и проявление действия. Выражения, характеризующие образы множества, воспринимаемые органами слуха и обоняния, содержат глаголы с локативными превербами и лексемы-маркеры *мэ* «запах» и *Иуэллэуэ* «шум». В языке Х. Х. Каширгова обнаружены выражения, реализующие семантику высокого, среднего достатка. Ряд выражений транслирует семантику отсутствия средств к существованию. Повторяемость событий, имеющих оттенок нежелательности, может реализоваться посредством аффиксов отрицания, присоединенных к лексемам с семантикой новизны.

Заключение

Проанализированный языковой материал позволил сделать следующие выводы:

1. В кабардино-черкесском языке семантика мизерности может транслироваться целым рядом заимствованных и исконных лексем. Функциональную роль усиления незначительности может выполнять нумератив *зы* «один». Лексемы с семантикой незначительности оформлены адвербиализирующим суффиксом *-ккэ*. Незначительность выполняемого действия может реализоваться присоединением к основе некоторых глаголов преверба *пы-* и суффикса *-ккэ*.

2. Повсеместность распространения запаха и шума в кабардино-черкесском языке может транслироваться моделями, содержащими несвободную глагольную основу *-зы-* с локативными превербами и лексемами-маркерами *Ізуэлъауэ* «шум» и *мэ* «запах».

3. В языке Х. Х. Каширгова весьма обширный круг лексем, фразеологических единиц, свободных сочетаний слов, эксплицирующих различные уровни достатка. Обнаружены выражения, реализующие семантику финансового благополучия, финансовой нестабильности, среднего достатка, абсолютного отсутствия средств к существованию. Недостаток или отсутствие средств к существованию весьма часто ассоциируется с отсутствием родственников и различных деталей одежды.

4. Отрицательно оцениваемое постоянство в языке произведений Х. Х. Каширгова выражается при помощи языковых средств различных уровней. Отрицательно оцениваемая повторяемость событий выражается присоединением префикса отрицания *мы-* к основе лексемы с семантикой новизны. Обозначением постоянного невыполнения взятых на себя обязательств является выражение *а пцэдейр кІэ зимыІэж пцэдейщ* «это завтра – бесконечное завтра».

5. В языке произведений Х. Х. Каширгова обнаружены выражения, в структуре которых есть количественная противоположность: сочетание маркеров большого и малого количества. В результате такого парадокса формируется оттенок количественности, который оценивается говорящим как достаточная, средняя норма чего-либо.

В качестве перспективы дальнейшего исследования данной проблематики можно назвать изучение особенностей трансляции семантики интенсивности и градуальности в кабардино-черкесском языке.

Материалы исследования | Research materials

1. Карданов Б. М. Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968.
2. Каширгов Х. Х. Жизнь прожить – не поле перейти. Роман (Къашыргъэ Хь. Хь. ГъащІэр матэщІэдзакъым. Роман). Нальчик: Эльбрус, 1988.
3. Каширгов Х. Х. Крепкие корни (Къашыргъэ Хь. Хь. Лъапсэ быдэ). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014.
4. Каширгов Х. Х. Ореол. Роман (Къашыргъэ Хь. Хь. ПшэкІухь. Роман). Нальчик: Эльбрус, 1976.
5. Каширгов Х. Х. Следы жизни. Повесть и рассказы (Къашыргъэ Хь. Хь. ГъащІэ лъэужь. Повестрэ рассказхэмрэ). Нальчик: Эльбрус, 1984.
6. Словарь кабардино-черкесского языка / глав. ред. П. М. Багов. М.: Дигора, 1999.
7. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2 т. М.: Наука, 1977. Т. I. А-Н.
8. Шакова М. К. Каширгов Хапача Хамашевич // Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX-XXI вв.: биобиблиографический словарь: в 3 т. Изд-е 2-е, перераб. / под ред. Л. Б. Хавжоковой. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2026. Т. II. К-П.

Источники | References

1. Бижоев Б. Ч., Хежева М. Р. Семантика нулевого количества в кабардино-черкесском языке: основные способы репрезентации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 10. <https://doi.org/10.30853/phil20230541>
2. Большакова Г. Н. Единицы с количественной, качественно-количественной и количественно-оценочной семантикой в идиолекте и идиостиле В. Н. Набокова // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка: сборник статей. М.: Индрик, 2005.
3. Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н., Гливицкая О. А. Количественные метафоры в русском, английском и французском экономическом медиапространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 11. <https://doi.org/10.30853/phil20250642>
4. Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5.
5. Галич Г. Г. Категория количества: знание и мнение // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы II Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Барнаул, 05-06 октября 2006 г. / под ред. Т. Г. Пшёнкиной. Барнаул, 2006. Ч. 1.
6. Дзуганова Р. Х. Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик: Эль-Фа, 2005.
7. Кабардино-черкесский язык: в 2 т. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. Т. 1. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис / гл. ред. М. А. Кумахов.
8. Кузина И. Ю. Категория количества и ее выражение в языке (введение в проблематику) // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2014. № 1 (13).
9. Малащенко М. В. Прагматика как выражение антропоцентризма и экспансизма современной лингвистики // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № S3.
10. Павлов В. М. Качественность и субстанциальная семантика // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996.
11. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М.: Наука, 1977.

12. Субич В. Г. Кванторы и кванторные слова как средства выражения количественной семантики (на примере английского, русского и японского языков) // Казанская наука. 2012. № 2.
13. Федяева Е. В. Специфика языковой репрезентации результатов чувственного восприятия количества // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 2-1 (26).

Информация об авторах | Author information

RU**Хежева Марьяна Рашадовна¹**, к. филол. н.¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН), г. Нальчик**EN****Maryana Rashadovna Khezheva¹**, PhD¹ Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (IHR KBSC RAS), Nalchik¹ maryana.khezheva@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.09.2026; опубликовано online (published online): 30.09.2026.

Ключевые слова (keywords): кабардино-черкесский язык; Хапача Каширгов; семантика количества; адыгское языковое сознание; семантика мизерности; Kabardian language; Khapacha Kashirgov; semantics of quantity; Adyghe linguistic consciousness; semantics of scantiness.